

УДК 340.141(470.4/6)«18»
ББК 67.711.13-38

ТРАДИЦИОННЫЙ ПОРЯДОК РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В ОБЫЧНЫХ НАРОДНЫХ СУДАХ У ДОНСКИХ КАЗАКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА ¹

С.Ю. Краснов

В данной статье автор проводит реконструкцию норм обычного права, регулирующих вопросы, связанные с судоустройством и судопроизводством в обычных народных судах у донских казаков во второй половине XIX века. Выявление и анализ общих черт, характерных для осуществления судоустройства и судопроизводства у донских казаков, подтверждает вывод автора о традиционном порядке разрешения споров в деятельности обычных народных судов в указанный период времени.

Ключевые слова: *обычное право, обычные народные суды, традиционный порядок разрешения споров, донские казаки, история права.*

Во второй половине XIX в. в станицах, и особенно в хуторах области Войска Донского продолжали существовать и осуществлять свою деятельность шесть видов традиционных обычных народных судов, которые при разрешении судебных споров руководствовались исключительно нормами обычного права, а не нормами официального законодательства.

Речь идет о таких судах, как:

- 1) суд станичного или хуторского атаманов;
- 2) суд стариков;
- 3) суд понятых;
- 4) суд хуторского схода;
- 5) третейский суд;
- 6) «специальный», «экстренный» суд.

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей судоустройства и судопроизводства в указанных судах, на наш взгляд, необходимо, прежде всего, отметить то общее, что было свойственно всем видам традиционных обычных народных судов и что может свидетельствовать о системном характере обычного права у донских казаков во второй половине XIX века.

Каждый из указанных судов, кроме третейского суда и «специального», «экстренного» суда, представлял собой особую судебную инстанцию по отношению к другим судам. Высшей судебной инстанцией для суда поселкового атамана служил суд понятых и суд стариков, а для этих последних высшей инстанцией был суд хуторского схода, который все дела разрешал окончательно и бесповоротно. Таким образом, сторона, которая была недовольна судом хуторского атамана, могла обратиться или в суд понятых, или в суд стариков, смотря по обстоятельствам конкретного судебного спора, а недовольная уже их решениями сторона обращалась в суд хуторского схода.

Жалоб на решения этого последнего суда (суда хуторского схода. – С. К.) в настоящее время (в 90-е гг. XIX в. – С. К.) приносить некуда, так как официальные суды (кроме станичных судов. – С. К.) не признают этих решений, как не предусмотренных законом и так как суд станичного схода, куда прежде приносились жалобы на решения хуторских сборов, теперь почти прекратил свое существование, поэтому решение хуторского схода приводится в исполнение, или дело переносится в официальные суды, где рассматривается вновь ² [1, с. 116–117].

Граждане, недовольные решениями, выносимыми станичным атаманом, могли обжа-

ловать их в более высокой инстанции, то есть в суде понятых или в суде стариков, а в дальнейшем в станичном суде, если они хотели судиться по нормам обычного права, а не нормам официального законодательства.

Любое дело, разрешенное в низшей инстанции, могло быть передано на рассмотрение в высшую инстанцию без соблюдения каких-либо процессуальных формальностей.

Определенных сроков для этого не выработано обычаем, или по крайней мере их трудно определить; но если приговор низшей инстанции был приведен в исполнение, например, спорная вещь была отобрана, и если с этого времени недовольная сторона долго не жаловалась, то обыкновенно к новому рассмотрению высшая инстанция не принимает этого дела, говоря просителю: «ты чего раньше думал? Это уж давно было» и т. п. А каково это давно, трудно определить; во всяком случае, говорят казаки, если прошел год, то уж нельзя возбуждать такого дела [1, с. 117].

В связи со сказанным можно утверждать, что в большинстве случаев при разрешении в традиционных обычных народных судах периодически возникающих между гражданами споров основное внимание обращалось не на четкое соблюдение каких-либо формальностей, а на вынесение справедливого решения по конкретному делу, исходя из его особенностей и обстоятельств, имеющих у сторон доказательств своей правоты с учетом личности каждой из сторон судебного разбирательства. С другой стороны, это не исключает выработки в каждой донской казачьей общине новых норм обычного права, регулирующих сам процесс судопроизводства, в частности установление и применение сроков для обжалования в вышестоящих судах решений, вынесенных нижестоящими судами.

В хуторских судах такие дела из низшей инстанции в высшую переносятся не только по жалобе недовольной стороны, как это бывает в официальных судах, но весьма часто случается, что дело переходит на рассмотрение высшего суда по жалобе стороны, которая довольна решением. В хуторах нет особого органа, который приводил бы решение суда в исполнение; это по большей части предоставляется на добрую волю сторон. Поэтому часто случается, в особенности в последнее время (в 90-е гг. XIX в. – С. К.), что присужденная сторона не испол-

няет добровольно решения, положим суда стариков; тогда та сторона, в пользу которой решено дело и которая довольна решением суда, обращается с жалобой в суд хуторского схода, который не ограничивается понуждением противной стороны к исполнению уже постановленного решения, а рассматривает вновь дело и постановляет то или иное решение, и это решение, как решение суда более многочисленного и компетентного исполняется по большей части добровольно, а если не исполняется, то приводится в исполнение тем или иным способом. Для того, чтобы дело было разрешено хуторским сходом, вовсе не требуется, чтобы оно было рассмотрено низшим судом. Правила, по которому дело, не разбиравшееся в низшем суде, не может быть рассмотрено в высшем, в хуторах нет. Поступление дела в ту или иную инстанцию зависит от обстоятельств дела, так что если дело возникло накануне или во время схода, то оно прямо и поступает на его рассмотрение. При рассмотрении дела в высшей инстанции судьи, принимавшие участие в решении этого дела в низшей инстанции, не только не устраняются, а напротив, как более знакомые с делом, принимают более деятельное решение [1, с. 117–119].

В данном случае об изменениях норм обычного права, регулирующих судоустройство и судопроизводство у донских казаков во второй половине XIX в., прямо говорили и знали донского казачьего быта, которые непосредственно наблюдали и изучали деятельность традиционных обычных народных судов как современники. При этом они отмечали неравномерность и различия этих изменений на станичном и хуторском уровнях.

Таким образом Положение 1835 г. создало два вида народных судов: суд станичного схода и суд станичного правления. В этих судах по-прежнему применялись все обычаи, выработанные предшествующей жизнью, так как форм и обрядов судопроизводства Положение не предписывало почти никаких. Да и само определение подсудности дел, по свидетельству источников и рассказам стариков, на самом деле первоначально не существовало: станичный сход по-прежнему принимал к своему разбирательству все дела хотя бы они ему и не были подсудны по Положению. Но тем не менее, Положение 1835 г. имело весьма большое влияние на устройство казачьих судов. С этого времени судебная власть станичного схода постепенно начала ослабевать, станичные сходы вследствие ослабления интереса казаков к общественным делам стали собираться реже, поэтому и не могли уже отправлять постоянно правосудие.

В силу этого станичное правление все больше и больше принимало дел к своему разбирательству, приобретая тем самым и большую силу и значение. В особенности же значение станичного правления, как судебного места, увеличивалось с тех пор, когда в состав его вошли депутаты, выбираемые обществом. С этих пор все маловажные дела разрешались атаманом с депутатами, так что к 1860–70 гг. станичные сходы решали весьма мало дел и то лишь тогда, когда они собирались для каких-либо иных целей [1, с. 114–115].

Что касается некоторых различий в обычно-правовом регулировании судостройства и судопроизводства на станичном и хуторском уровнях, то они не дают никакого основания для утверждения о существовании самостоятельной системы обычного права станицы и подсистем обычного права, входящих в станичный юрт хуторов, и объясняются раскрытым нами ранее механизмом действия норм обычного права у донских казаков во второй половине XIX в. [2; 3].

Указанные различия во второй половине XIX века существовали не только между станицей и хуторами, но и между отдельными станицами, входящими как в один округ, так и в другие округа области Войска Донского, что являлось проявлением гибкости обычного права донских казаков, обусловленной различными, но порой совершенно прозаическими причинами, связанными с особенностями существования и жизнедеятельности донских казачьих общин. Например:

...благодаря исторической привычке (то есть традиции. – С. К.) разбираться в своем кругу и местным условиям, а именно удаленности хуторов от станиц как административных и судебных центров, в хуторах и теперь (в 90-е гг. XIX в. – С. К.) продолжают существовать обычные суды, в которые хуторские жители обращаются более охотно, нежели в станичные суды, которые не всегда являются выразителями местных обычаев и в которых нередко могоарыч решает все дела [1, с. 116].

Если коснуться такого очень важного для судостройства и судопроизводства вопроса, как возможность отвода судьей и отвода свидетелей, то, несмотря на то, что в традиционных обычных народных судах отвод тех и (или) других в большинстве случаев не до-

пускался, сами донские казаки объясняли это следующими причинами:

Вообще можно сказать, что отвод судей в хуторских судах не практикуется что было бы несомненно с правилом, по которому всякий полноправный казак имеет право принять участие как судья в разборе дела [1, с. 128].

То же самое можно сказать и об отводе свидетелей. Свидетелем на хуторских судах может быть всякий. Нередко бывает, что отец является свидетелем по делу сына, а сын по делу отца. Словом, показания всякого принимаются судьями. Какое придают значение этим показаниям, то это больше зависит от личности самого свидетеля, от содержания показаний, от способа дачи их и т. п. обстоятельств. Впрочем, при расспросе казаков относительно свидетелей они высказывали такой взгляд, что на хуторских судах родственники независимо от степени родства допускаются, друзья же и кумовья не допускаются, или по крайней мере не так свободно допускаются как первые. В станичном же суде наоборот: родственники устраняются, друзья и приятели допускаются. Таким образом, по словам казаков, в хуторах действует принцип дружбы, а в станицах принцип родства.

Такой взгляд на отвод свидетелей объясняется следующим: некоторые хутора отчасти и в настоящее время (в 90-е гг. XIX в. – С. К.) представляют собою поселения разросшейся какой-нибудь семьи, на что указывают и их названия, как например, хутор Горбунов, Секуров, Абрамов, Казаринский и т. п.; в каждом таком хуторе преобладает соответствующая его названию фамилия казаков. Вследствие такого образования хуторов в них почти все между собою родственники, поэтому, если строго держаться принципа родства, то никто или весьма многие не могли бы быть свидетелями.

Кроме того, родство здесь парализуется взаимностью. Если свидетель родственник, положим истцу, то наверное можно предполагать, что он родственник и ответчику; поэтому родственная связь здесь не может играть такой роли, какую она играет в поселениях, как, например, в станицах, где далеко не все между собой родственники. Другое дело дружбы и кумовство в хуторах. Они ставят в хуторах родственников в более близкие отношения, поэтому и ожидать от них беспристрастных показаний невозможно. Отсюда-то и выработался выше сказанный взгляд у казаков на отвод свидетелей; хотя нужно заметить, что это только взгляд, на самом же деле и в хуторах в качестве свидетелей допрашиваются друзья и кумовья, хотя правда, к их показаниям относятся весьма осторожно [1, с. 138–139].

Именно наличие общих черт, тенденций и закономерностей, единого механизма действия норм обычного права у донских казаков во второй половине XIX века позволяет нам сделать вывод о традиционном порядке разрешения споров во всех ранее перечисленных традиционных обычных народных судах. Все новации, свидетельствующие об изменениях донскими казачьими общинами норм обычного права, то есть о его определенной гибкости, по нашему мнению, никогда не выходили за рамки традиционных правил поведения, в чем одновременно заключалась и сила, и слабость обычного права донских казаков.

Общая черта всех видов хуторских судов – отсутствие письменности. Хуторские суды есть суды словесные: здесь все происходит на словах, на письме же ничего. Впрочем, благодаря переменам последнего времени и упадку нравов, письменность начинает проникать и сюда. В некоторых хуторах хотя и не всегда, но записываются решения судов в весьма оригинальной форме, именно в форме мировых записей. Потребность в этих мировых записях вызывается частыми злоупотреблениями. Нередко случается, что стороны разобравшись в хуторском суде, остаются по-видимому довольны решением; вдруг одна из сторон подает жалобу в станичный суд, рассчитывая на невнимание судей или подкупив их, а они и решают иначе дело, отменяя, конечно, решение судей, стоящих весьма близко к делу и неподкупных, потому что целый сход подкупить нельзя...

Во избежание таких злоупотреблений и начинают по решению дела заключать мировые записи, при существовании которых станичные суды таких дел к своему рассмотрению не принимают. Эти записи совершаются (в 90-е гг. XIX в. – С. К.) сравнительно редко, а вместо них дело обыкновенно заканчивается угощением судей водкой, после которой не исполнить решения суда считается позорным [1, с. 118–119].

Но даже в тех редких случаях, когда после разрешения того или иного дела в обычных народных судах совершались мировые записи, их форма и содержание регулировалась нормами обычного права, а не нормами официального законодательства.

Неграмотные просят расписаться за себя когонибудь из присутствующих грамотных (не редко одного из судей). Для этого они подходят к грамотному и подают ему правую руку. Грамотный при-

нимает руку и потом расписывается в книге (отсюда выражение: «расписался по рукоданной просьбе») [5, с. 331].

О том, каким образом посторонние лица, пользуясь знанием действующих в конкретной донской казачьей общине норм обычного права, могли злоупотреблять ими в своих корыстных интересах, может свидетельствовать, в частности, следующий пример.

В последнее время (в 80-е гг. XIX в. – С. К.) сообщают из станицы Кременской, появилась у нас еще одна отрасль промышленности – адвокатство. У нас считается до шести адвокатов, в том числе одна женщина. В настоящее время станичники наши стали остерегаться адвокатов: при свидании с ними они ограничиваются только поклонами и сниманием шапок; но рукопожатия, в особенности неграмотными людьми уже не делается, чтобы адвокат не мог при случае представить расписку на деньги с таким доказательством, что он, мол, (такой-то) давал руку (такому-то), а руку давал – дескать просил у него по неграмотству расписаться в занятых якобы деньгах. Благодаря адвокатам, в 1873 году к мировым судьям вызывалось 1764 человека [5, с. 339].

Таким образом, можно утверждать, что донские казаки осознавали слабые стороны своего обычного права, и во многом именно этим можно объяснить их желание судиться только в своих традиционных обычных народных судах, неписаный характер большинства норм их обычного права и усиление контроля со стороны донских казачьих общин как за станичными судами, так и за всеми видами традиционных обычных народных судов, действовавших в станицах и хуторах области Войска Донского.

Неписаный характер большинства норм обычного права у донских казаков только отчасти можно объяснить неграмотностью большинства казаков, потому что донские казаки вполне успешно справлялись с указанной проблемой, подтверждением чему могут служить письменные записи приговоров станичных сходов, в которых четко и подробно были зафиксированы действующие в каждой донской казачьей общине нормы обычного права.

Конечно, отчасти неписаный характер норм обычного права у донских казаков, по нашему мнению, можно объяснить и отсут-

ствием самой необходимости в таких записях, поскольку граждане, проживающие в хуторах, хорошо знали точное содержание действовавших в тот или иной период времени норм обычного права, в связи с тем, что они принимали непосредственное участие в их выработке и санкционировании.

Считаем, что главная причина, по которой обычное право донских казаков в основном носило неписанный характер, заключалась в том, что донские казаки сознательно скрывали от любых посторонних лиц, особенно от представителей официальной власти, точную и достоверную информацию о своих нормах обычного права и их содержании, чтобы создать иллюзию о главенствующей роли официального законодательства в регулировании той или иной части общественных отношений.

Скрытие донскими казаками от посторонних лиц информации о нормах обычного права в качестве основной своей цели преследовало желание донских казачьих общин закрыться от любого чуждого для них внешнего влияния и воздействия, способного причинить вред общественным интересам, разрушить традиционные обычно-правовые представления донских казаков о праве и справедливости.

Таким образом, обычное право донских казаков во второй половине XIX в. носило не только неписанный, но и корпоративный, латентный (скрытый) характер. На это во второй половине XIX в. недвусмысленно обращали внимание и знатоки донского казачьего быта.

На вопросы, как и кто приводит в исполнение решения хуторских судов, казаки затрудняются дать ответ и обыкновенно говорят: «больше решаем миром», «все дела кончаем миром», «стараясь склонить к миру» и т. п. Из таких ответов можно было бы заключить, что хуторские суды, и вообще народно-обычные суды, в сущности, не разбирают дел, не постановляют по ним решений, а потому им и нечего приводить в исполнение, что хуторские суды являются лишь посредниками между сторонами, которые при их посредстве сами разрешают возникшее между ними спорное отношение, и что действительно все дела в хуторских судах кончаются добровольным примирением сторон. Но такое заключение было бы ошибочным и не соответствовало бы действительности [1, с. 119].

Именно по этой причине исследователями донского казачьего быта, изучавшими

жизнедеятельность донских казачьих общин во второй половине XIX в., так мало было собрано достоверных и соответствующих реальной действительности сведений не только о судоустройстве и судопроизводстве, но и о функционировании органов территориального общественного самоуправления, регулировании семейных, семейно-имущественных, наследственных и других имущественных отношений у донских казаков в указанный период времени.

Из явлений областной жизни, оставшихся до сих пор незамеченными, несмотря на серьезные попытки к всестороннему изучению народного быта, одно из первых мест занимают некоторые стороны казачьей общественной жизни.

Для примера можем указать на казачьи суды. В то время, как о крестьянских волостных судах существует целая обширная литература, о казачьих судах, за двадцатилетнее их существование, во всей периодической печати (за исключением местных областных ведомостей) не было почти ни слова. Единственное издание, где несколько страниц посвящено казачьим станичным судам, — книга покойного М.Н. Харузина: «Сведения о казачьих общинах на Дону». Ныне, ввиду слухов о том, что новое земское положение не минет и Донскую область и в связи с преобразованиями положения о станичном управлении, несколько слов об этих судах, надеемся, не будут лишними, особенно если принять во внимание, что в этих судах более, чем где-либо, проявляются отличительные особенности казачьей жизни и своеобразные правовые отношения [4].

В связи с этим можно утверждать, что неписанный, латентный (скрытый), корпоративный, партикулярный (локальный) и коллизионные характеры, присущие нормам обычного права донских казаков во второй половине XIX в., были в определенной донскими казачьими общинами степени не только взаимосвязаны между собой, но и взаимообуславливали друг друга, что в очередной раз подтверждает ранее сделанный нами вывод о волевом, осознанном и системном характере правотворчества у донских казаков [2; 3].

Рассмотрение и анализ каждого из них по отдельности, по нашему мнению, приводит к неизбежному искажению реальной действительности и порождает устойчивые неправильные представления и мифы о фрагментарнос-

ти, формальной неопределенности, естественном, стихийном процессе формирования (скалдывания) норм обычного права, о множественности субъектов обычного права и др.

Весьма краткие записи приговоров станичных, хуторских сходов и станичных судов свидетельствуют о том, что донские казаки таким образом придавали информации о большинстве норм своего обычного права, регулировавших те или иные общественные отношения, заведомо закрытый характер, недоступный для посторонних лиц, что не позволяло ей выходить за пределы каждой общины как корпорации (локальной социальной общности).

Таким образом, единственным субъектом обычного права у донских казаков во второй половине XIX в. являлась исключительно донская казачья община как корпорация, защищавшая свои общественные права и интересы с помощью вырабатываемых ею же норм обычного права. Именно донская казачья община как корпорация определяла неписанный, латентный, партикулярный и коллизийный характер норм обычного права донских казаков в указанный период времени.

Конечно, существовали и другие более прозаические причины, объясняющие неписанный характер норм обычного права, но они, на наш взгляд, не исключают и не опровергают вышесказанное.

Нынешний станичный суд возник вместо прежнего суда «станичных депутатов». Право суда в прежнее время принадлежало всему станичному сходу (кругу), который мог избирать из своей среды нескольких представителей – «депутатов», как называли их, хотя и сам в то же время продолжал функционировать и как судебное учреждение. По «Положению об общественном управлении в казачьих войсках», изданному в 1870 году, это самостоятельное судебное учреждение заменено другим, устроенным по образцу крестьянских волостных судов, – именно теперешним станичным судом. Но прежняя форма судостройства сохранилась еще в некоторых обычных судах, составляющих непосредственно народное создание. К таким неофициальным судам принадлежит суд поселкового атамана и стариков, действующий в казачьих хуторах. Деятельность этого суда как ближе стоящего к быту населения, в своем районе гораздо более широка и серьезна, чем даже деятельность самого станичного суда, значительно стесненного рамками Уложения и другими обстоятельствами.

...То же явление замечалось и в истории волостных судов, и в объяснение его указывалось на разные причины. Немалую роль, конечно, играет известный «страх» простолюдина перед «законом», перед всем писанным, формальным (то есть боязнь понести ответственность за нарушение официального законодательства. – С. К.), что неизбежно проявляется в делопроизводстве станичного суда, как официального, некоторым образом, судебного учреждения. Затем, помимо того, известное значение имеют и расход, сопряженный с писанием прошений («заявлений», «объявлений»), трата времени на неоднократные поездки с хутора в станицу (иногда верст за 50 и более). Последняя и главная, самая существенная причина – медленность судопроизводства и недоверие, часто вполне основательное, к беспристрастию станичного суда [4].

Сам традиционный порядок разрешения споров в обычных народных судах у донских казаков во второй половине XIX в. является наглядным подтверждением всех сделанных нами выводов.

...Можно заметить, что деятельность атаманского суда в настоящее время (в 90-е гг. XIX в. – С. К.) стала сильно ослабевать вследствие того, что сами атаманы уклоняются единолично разбирать дела. Кроме того, нередко начало случаться, что ответчик не является добровольно на суд к хуторскому атаману, а так как разбирать заочно дела в народных судах не практикуется, то поэтому атаман отказывается удовлетворить просителя, который после этого обращается с своей жалобой или в официальный суд или к суду стариков или схода, неявка на который иногда угрожает разладом с целым обществом.

...Суд стариков принимает к своему разбору всякие дела, за исключением дел особенной важности, как-то: о больших кражах, о кражах хотя и незначительных, но совершенных лицом неоднократно судившимся за этот проступок, дел сопряженных с значительными исками и прочих.

Кроме того, безусловно, не подсудны суду стариков дела, сопряженные с общественным интересом. Эти дела может разбирать только хуторской сход. Что касается самого порядка производства в этом суде, то он такой же, какой и на суде хуторского схода.

...Что касается вопроса, сколько требуется человек для того, чтобы суд хуторского схода считался состоявшимся, то относительно этого определенных правил не существует. Вообще для более важных дел требуется и более полный сход, так что один и тот же сход при одинаковом составе одни дела разбирает, другие откладывает до другого раза

ввиду того, что мало собралось народу. Случается, что потолкуют старики на сходе о деле и порешат дело отложить до другого раза, так как народу собралось мало, что, однако не мешает им разбирать другие менее важные дела.

...Мало того, в настоящее время стали некоторые уклоняться от явки на суд даже по требованию хуторского атамана. В этих случаях сход или отказывается разбирать дело и предоставляет истцу [право] обратиться в официальный суд, или же раздраженный постановляет так сказать заочный приговор в пользу истца и сам самоуправно приводит в исполнение свое решение: идут, например, несколько человек из схода и отнимают у ответчика спорную вещь и удовлетворяют истца несравненно в большем размере, чем он просил. Спротивлений ответчик оказать не может, как ввиду их бесполезности, так и потому, что за это он может поплатиться жестокими побоями и немалым имущественным ущербом. Вследствие этого и теперь, где сила и авторитет хуторского общества стоят высоко, уклонение от явки на общественный суд бывает весьма редко.

...Но к таким самоуправным действиям судьи прибегают не всегда, под опасением уголовной ответственности, поэтому нередко бывает, что поругают, побранят ответчика, плюнут и скажут истцу: «подавай на него в суд», разумея под последним официальный суд. Вообще же должно заметить, что в общем случаев уклонений от исполнения решений схода бывает весьма мало, потому что не исполнить решения схода значит стать одному против всех, рискуя иногда подвергнуться чрезвычайно грубому насилию.

...Как разбираются дела на хуторском сходе, какие существуют обряды и формы судопроизводства, трудно изложить, потому что весь процесс состоит из постепенно развивающегося говора, доходящего иногда до невообразимого шума и брани. Едва только заявит свою просьбу жалобщик, тотчас ему возражает ответчик или кто-нибудь другой; на эти возражения следуют новые возражения со стороны других лиц, которым также возражают. Стороны начинают спорить между собой, с судьями-стариками и свидетелями, свидетели между собою и с сторонами, судьи между собою, с свидетелями и с сторонами: словом, поднимается иногда невообразимый шум, во время которого стороны дают свои объяснения, свидетели показания, а судьи высказывают свой взгляд на разбираемое дело, и все это делается вместе. На хуторских судах, как на суде стариков, так и на суде общественного схода нет никакого порядка и постепенности.

...Существенных различий между гражданскими и уголовными процессами в хуторских судах не замечается. Уголовные дела разбираются также,

как и гражданские, и также заканчиваются обрядом примирения, но это не значит, что обвиненный не несет должного наказания [1, с. 125, 128, 131, 133–34, 136–139].

Современники обращали внимание и на особенности проявления корпоративности обычного права у донских казаков во второй половине XIX века.

Суд общественного схода в хуторах есть высшее судебное место, решающее все дела окончательно. Так как жалоб на решения этого суда в настоящее время приносить некуда, поэтому остается исполнить решение суда, если стороны желают разобраться в обычных судах; если же они этого не желают, то должны обратиться в официальные суды и начать дело снова. Прежде, когда общественные станичные сходы могли решать судебные дела, то на решения хуторского схода приносились жалобы станичному; в настоящее же время по Положению 1870 года судебная власть от общественных сходов отнята, а станичные сходы, за весьма редким исключением, никаких тяжб не разбирают и жалоб на решения хуторских сходов не принимают [1, с. 130].

Решения, вынесенные судом станичного атамана, судом стариков и судом понятых, в станицах также могли быть обжалованы недовольной(ыми) стороной(ами) в суд станичного схода.

Приведенный нами материал свидетельствует о том, что каждый из перечисленных ранее видов традиционных обычных народных судов, функционировавших в хуторах и станицах области Войска Донского во второй половине XIX в., представлял собой традиционным образом организованный коллектив с четко определенными полномочиями. Чем больше по составу участников был коллектив, тем большими полномочиями по разрешению судебных споров, возникающих между хуторянами и станичниками, он наделялся донской казачьей общиной. Полномочия того или иного обычного народного суда у донских казаков зависели и от того, какой интерес подлежал судебной защите – частный (индивидуальный) или общественный (коллективный), и от связанной с корпоративностью и партикулярностью, неизбежно возникающей при этом коллизией в применении норм обычного права донских казаков.

Подобные особенности проявления корпоративности обычного права были характер-

ны для судоустройства и судопроизводства у донских казаков с момента образования первых обычных судов.

В этот период суд был таким, каким выработала его сама жизнь; никаких внешних влияний он на себе не испытывал, так как до 1835 года правительство относительно организации донских судов почти ничего не сделало, и правосудие на Дону отправлялось без всякого писанного закона... К сожалению, о нем нет надлежащих сведений, а если они и есть, то очень мало, и данные эти не только кратки, но к тому же иногда сомнительны.

В этот период казачья жизнь еще не выработала специального органа правосудия: специальных судей, насколько можно судить по рассказам стариков, в это время еще не существовало, а правосудие отправлял тот орган, который сосредоточивал в своих руках все вообще дела текущей жизни. Таким органом для всего Донского войска был Большой Войсковой круг, а для отдельных станиц Малый Станичный круг, или сход. Станичные сходы, состоявшие из граждан одной станицы, ведали все административные и судебные дела, за исключением дел особой важности и дел о юртовых границах, которые рассматривались в войсковых кругах. Войсковой круг состоял из представителей всего Войска Донского и собирался в городе Черкаске.

Станичных сходов было два вида: обыкновенные собрания стариков, почти ежедневно собиравшихся на «майдане» у станичной избы, и экстренные сходы, собираемые станичным атаманом через «есаульца» и отличавшиеся от первых только своим многолюдством. Каким образом станичные сходы успевали разбирать все судебные и административные дела, почему не было потребности в специальных судьях и почему даже представитель общественного самоуправления – атаман не ведал судебных дел, это, конечно, прежде всего объясняется простотою общественной жизни, которая давала мало дел, и тем, что станичный сход в старое время не было нужды собирать и дожидаться его сбора, так как он собирался едва ли не каждый день... Большая часть дел, возникавших между одностанничниками, разбиралась этими ежедневными сходами или собраниями; лишь дела более или менее важные и дела, решением которых оставались недовольны стороны, разбирались полным общественным сходом. Если же стороны оставались недовольны решением полных сходов, то они обращались за разрешением спорного дела в Большой Войсковой круг.

...Краткость и простота были выдающейся чертой старинных судов. Сегодня возник гражданский спор между двумя казаками, завтра они

встречаются на майдане, где присутствуют их свидетели и защитники, и поднимают вопрос о возникшем спорном отношении. Начинается суд: стороны спорят между собой, свидетели дают свои показания, старики высказывают свои соображения, во время этого шума разрешается спорное отношение, выясняется мнение стариков, которому стороны добровольно подчиняются, и здесь же исполняют определенное; не исполнить его нельзя, потому что это значит пойти против собрания, иногда представляющего из себя целое общество, навлечь на себя его гнев и подвергнуться последствиям раздраженной толпы. Сегодня совершена кража, сегодня же потерпевший заявляет об этом на майдане, где находятся и свидетели, и коли нет обвиняемого, посылают за ним; его тотчас приводят; минутный спор, и перед собранием кающийся обвиняемый стоит на коленях, или потерпевший наказывает его розгами, приговаривая: «не я тебя бью, а бьет тебя честная станица», а из толпы кричат: «прибавь», наконец раздаются голоса: «довольно» – и суд кончен; дело разобрано, обвиняемый обвинен и наказан. Точно также разбирались судебные дела и на полных станичных сходах, с тем разве различием, что на последних более деятельное участие принимал атаман, который руководил всем сходом [1, с. 110–112].

Подытоживая все вышесказанное, на наш взгляд, можно сделать достаточно обоснованный и достоверный вывод о традиционном порядке разрешения споров в обычных народных судах у донских казаков во второй половине XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда и Администрации Волгоградской области в рамках научно исследовательского проекта «Обычное право донских казаков во второй половине XIX в.», проект № 11-12-34009а/В.

² Здесь и ниже сохранены орфография и пунктуация первоисточников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казмин, А. Обычные суды в хуторах Донской области / А. Казмин // Этнографическое обозрение. – 1891. – № 3, кн. X.
2. Краснов, С. Ю. Обычное право донских казаков во второй половине XIX века. Регулирование

имущественных отношений / С. Ю. Краснов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. – 214 с.

3. Краснов, С. Ю. Обычное право донских казаков во второй половине XIX века. Функционирование органов территориального общественного самоуправления / С. Ю. Краснов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2011. – 142 с.

4. Крюков, Ф. Казачьи станичные суды / Ф. Крюков. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://fedor-krjukov.narod.ru/publicist_DO_1917/Kazachii_sudi.htm. – Загл. с экрана.

5. Харузин, М. Н. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права / М. Н. Харузин. – М. : [б. и.], 1885. – Вып. 1. – 386 с.

TRADITIONAL ORDER OF DISPUTE SETTLEMENTS IN USUAL DON COSSACK PEOPLE'S COURTS IN THE SECOND HALF OF THE XIXth CENTURY

S. Yu. Krasnov

In this article the author makes the reconstruction of norms of the common law regulating questions connected with the juridical organization and legal proceedings in usual Don Cossack people's courts in the second half of the XIXth century. The identification and the analysis of common features, characteristic for the implementation the juridical organization and legal proceedings in Don Cossack' courts confirm the author's conclusion about the traditional order of dispute settlement in activities of usual people's courts within the specified historical period.

Key words: *customary law, usual people's courts, traditional order of dispute settlements, Don Cossacks, law history.*